

Г Л А В А IV.

Фридландскій бой.

Общественное возбужденіе предъ войною 1806 г.—Походъ уланскаго полка вмѣстѣ съ Цесаревичемъ.—«Маршъ русской гвардіи».—Приключенія на походѣ.—Бивуакъ французовъ среди русскихъ.—Полкъ подъ Гейльсбергомъ.—Лейбъ-эскадронъ подъ Фридландомъ 1-го іюня.—Подвигъ корнета Старжинскаго.—Фридландскій бой.—Рѣзня на мѣстѣ.—Кавалерійскія атаки на правомъ флангѣ.—Ночное отступленіе вплавь.—Потери и награды.

Между тѣмъ, вскорѣ по окончаніи войны 1805 года, Наполеонъ обратилъ свое оружіе противъ Пруссіи и въ самое короткое время уничтожилъ ея армію, забралъ важнѣйшія крѣпости и занялъ бѣльшую часть государственной территоріи. Вся надежда на спасеніе была возложена Королемъ Прусскимъ на Россію и на великодушіе Императора Александра. Въ Петербургѣ сперва не хотѣли вѣрить въ такое быстрое разрушеніе всѣхъ силъ Прусскаго королевства, но когда это событіе подтвердилось, у насъ все пришло въ движеніе и вся Россія стала вооружаться. 16-го ноября 1806 года Высочайшій манифестъ возвѣстилъ о войнѣ съ французами. Мы въ это время вынуждены были вести двѣ войны разомъ, такъ какъ отоманская Порта, подстрекаемая французскимъ посланникомъ въ Константинополѣ, нарушила свои договоры съ нами и отказалась отъ всякихъ объясненій. Пришлось Россіи напрягать всѣ свои силы, созывать народно-ополченіе и дѣйствовать на патріотическое чувство своихъ сыновъ особыми прокламаціями, составленными очень искусно, въ духѣ простаго народа. Въ свою очередь и русская литература, а въ особенности русскій театръ въ сильнѣйшей степени помо-

гали общему возбужденію. 17-го января 1807 года впервые представлена была въ Петербургѣ трагедія Озерова «*Дмитрій Донской*», и представленія ея ждали всѣ, какъ народнаго праздника. Трудно изобразить тотъ восторгъ, тотъ иступленный энтузіазмъ, которые овладѣвали зрителями. По свидѣтельству очевидцевъ, это были не театральныя представленія, а римскій форумъ, на которомъ мысли и чувства всѣхъ сословіи народа сливались въ одно общее чувство, въ одну мысль.—Обожаемый Государь, любимое отечество, опасность предстоящей борьбы, будущія надежды и слава, и наконецъ самое положеніе наше, какъ политически-самостоятельнаго государства, поставленное на вѣсы роковаго «*быть или небыть*»—все это сжимало сердца и извлекало изъ нихъ сильные порывы. Каждый стихъ, каждая тирада, намекающіе на современное положеніе Россіи (а вся трагедія наполнена такими примѣненіями) были ударами ножа въ народное сердце. Въ одномъ мѣстѣ театра раздавались радостныя восклицанія, въ другомъ рыданія и вопли мести...

И такъ, манифесты, прокламаціи, театръ, журналы, брошюры—все это воспламеняло умы и чувства. Въ полкахъ пѣсенники распѣвали стихи, сочиненные Сергѣемъ Маринимъ, и подъ мотивъ этой музыки войска ходили на парадахъ и ученьяхъ. Сердца томились жаждою битвъ и подвиговъ, тѣмъ болѣе что уже часть русской арміи драгась съ французами на равнинахъ Польши. И вотъ, наконецъ, 8-го Февраля 1807 года корпусъ гвардейскихъ войскъ дождался желаннаго приказа о походѣ. Гвардія двинута была двумя колоннами по рижскому и бѣлорусскому трактамъ. Уланскіи Его Высочества полкъ выступилъ изъ Стрѣльны 17-го числа и весь походъ слѣдовалъ въ хвостѣ первой колонны.

Цесаревичъ хотя командовалъ всѣмъ гвардейскимъ корпусомъ, но весь походъ до самой границы шелъ съ уланами, верхомъ предъ первымъ эскадрономъ, подавая собою первый примѣръ усердія и исправности въ службѣ. И точно, имѣя предъ глазами

3*

такой примѣръ, уланскій полкъ дѣлалъ свой походъ образцовымъ образомъ. При эскадронахъ не было никакихъ частныхъ повозокъ. Экипажи Великаго Князя шли впереди на разстояніи одного перехода. Каждый оберъ-офицеръ обязанъ былъ имѣть три лошади: одну подъ своимъ сѣдломъ, другую—вьючную подъ денщикомъ, который велъ третью, заводную, осѣдланную подъ форменною попоной. Вьюки были форменные: двѣ кожаныя, круглыя, большія баклаги по обѣимъ сторонамъ сѣдла, вмѣсто кабуръ, а за заднею лукою большой кожаный чемоданъ и парусинныя саквы. На заводную лошадь подъ форменную попону позволялось положить коверъ, кожаную подушку и теплый халатъ или шубу. Передъ фронтомъ же всѣ офицеры обязаны были находиться въ шинеляхъ на ватѣ, но безъ мѣховыхъ воротниковъ, на которые тогда, равно какъ и на шубы, не существовало ни формы, ни моды. Впрочемъ офицерамъ позволено было надѣвать въ походѣ поверхъ мундира мѣховой спензеръ, т. е. тотъ же мундиръ съ штыремъ, только безъ фалды и гораздо просторнѣе. Спензеръ пристегивался къ двумъ мундирнымъ пуговицамъ на лифѣ. Въ дополненіе къ этому костюму полагались еще сѣбрыя рейтузы, обшитыя кожей съ мѣдными пуговицами у офицеровъ, и съ костяными, обтянутыми сукномъ, у нижнихъ чиновъ, безъ всякихъ кантовъ и лампасъ. Галошъ тогда и въ поминѣ не было, а если бы военный человѣкъ надѣлъ кенги, или чтонибудь подобное — его осмѣяли бы. Кавалеристамъ позволялось обертывать стремяна сукномъ или кромкой, чтобъ уменьшить вліяніе стужи на желѣзо. Узкіе наушники прикрывали только уши, и такъ какъ уланская шапка носилась тогда сильно на-бекрень къ правой сторонѣ, то почти вся голова оставалась обнаженною. Въ сильные морозы, которые въ февралѣ этого года зачастую превышали пятнадцать градусовъ, офицеры надѣвали шинели въ рукава, подпоясывались португесей и шарфомъ, а поверху надѣвали лядунку. Въ хорошую же погоду, когда морозъ не превышалъ пяти—семи градусовъ, всѣ

были въ спензерахъ и даже въ однихъ мундирахъ, а солдаты накидывали шинели на-опашь.

Самъ Цесаревичъ рѣдко когда надѣвалъ шинель; почти весь походъ онъ сдѣлалъ въ одномъ спензерѣ и всегда ѣхалъ передъ первыми рядами, позади трубачей. На переходѣ полкъ слѣшивался по нѣскольку разъ, чтобы согрѣться. Музыканты въ мягкую погоду играли легкія военныя пьесы, а пѣсенники, которыми управлялъ обучавшій ихъ корнетъ Драголевскій, ¹⁾ во всякую погоду неумолчно распѣвали свои пѣсни; между ними по преимуществу пользовалась популярностью пѣсня Марина, о которой сказано выше и которая начиналась словами:

Пойдемъ, братцы, за границу
Бить отечества враговъ.
Вспомнимъ матушку Царицу,
Вспомнимъ, вѣкъ ея каковъ!
Славный вѣкъ Екатерины
Намъ напомятъ каждый шагъ,—
Вотъ поля, лѣса, долины,
Гдѣ бѣжалъ отъ русскихъ врагъ.

Въ этой пѣснѣ замѣчательно одно пророческое мѣсто, гдѣ говорится, что когда французъ побѣжитъ отъ насъ домой, то

За французомъ мы дорогу
И къ Парижу будемъ знать.

¹⁾ Этотъ Драголевскій, родомъ полякъ, служилъ еще подъ знаменами Костюшки. Въ 1807 году ему было уже около пятидесяти лѣтъ отъ роду, но онъ былъ молодецъ собою и отличный кавалеристъ. Цесаревичъ въ каждую поѣздку свою привозилъ по нѣскольку охотниковъ въ уланы и въ конную гвардію. Драголевскаго взялъ онъ въ Галицію, возвращаясь изъ италійскаго похода, и опредѣлилъ унтеръ-офицеромъ въ конную гвардію, а потомъ произвелъ въ корнеты въ уланскій полкъ, обмундировалъ на свой счетъ и положилъ ему отъ себя постоянное содержаніе. (О Драголевскомъ, который былъ не послѣднимъ чудачкомъ въ своемъ родѣ, многія подробности можно найти въ «Воспоминаніяхъ» Э. Булгарина, Т. IV.)

Подъ эти звуки, получившіе тогда имя «марша русской гвардіи», люди шли бодро и весело.

На привалахъ Цесаревичъ обыкновенно приглашалъ уланскихъ офицеровъ къ своему завтраку, при чемъ въ холодную погоду нижнимъ чинамъ выдавалось по крышкѣ водки. Въ продолженіи всего похода Его Высочество былъ чрезвычайно веселъ, разговорчивъ и снисходителенъ къ своимъ уланамъ, даже болѣе обыкновеннаго, обращаясь съ офицерами, какъ со своими домашними. И уланы за это время такъ привыкли къ нему, что нисколько не стѣснялись въ его присутствіи и даже не прерывали самыхъ пустячныхъ разговоровъ, когда онъ подходилъ къ толпѣ. Ему это нравилось: онъ зналъ, что они его любятъ.

Гвардія шла усиленными переходами, дѣлая отъ 30 до 35 верстъ въ день и пользуясь дневками черезъ пять и шесть сутокъ ¹⁾).

Этотъ походъ ознаменовался для уланскаго полка нѣсколькими эпизодами, изъ которыхъ два или три заслуживаютъ упоминанія.

Вопервыхъ, между крестьянами Петербургской губерніи, за Чирковницами, распространилась Богъ знаетъ откуда вѣсть, будто уланы *пдятъ дтей*. Крестьяне почитали ихъ какимъ-то особеннымъ народомъ, «азіятами», въ родѣ башкировъ или калмыковъ, въ чемъ удостовѣрялъ ихъ невиданный дотолѣ костюмъ и плохой русскій говоръ, такъ какъ большая часть солдатъ въ уланахъ была набрана изъ малороссіянъ, поляковъ и литвиновъ. Почти во всѣхъ домахъ отъ «дѣтоѣдовъ» прятали, куда ни пошло, малыхъ ребятъ, и когда кто нибудь изъ офицеровъ спрашивалъ у хозяевъ есть ли у нихъ дѣти, — они приходили въ ужасъ, бабы съ воемъ бросались въ ноги и умоляли смилостивиться надъ ними, предлагая вмѣсто ребенка поросенка или теленка. Съ трудомъ приходилось уланамъ разувѣрять бабъ,

¹⁾ С. Гавловскій, Ч. II, стр. 10, и Михайловскій-Данилевскій (Исторія второй французской войны).

что они не людоды. Но недоразумѣніе было непродолжительно. Черезъ нѣсколько часовъ между крестьянами и дѣтскими водворялись «лады», и молодцы - уланы весьма скоро приобрѣтали сильныхъ защитницъ между крестьянками и пріятелей между мужиками.

Второй эпизодъ, заслуживающій вниманіе, какъ характеристическая черта Цесаревича, случился въ Ригѣ, гдѣ полкъ имѣлъ дневку. Этотъ городъ и тогда, какъ нынѣ, изобиловалъ тѣми несчастными созданіями, которыхъ Прудонъ назвалъ «жертвами общественнаго темперамента». Какъ неистовыя вакханки, цѣлыми толпами бѣгали онѣ тогда по улицамъ, нападали на прохожихъ и насильно тащили ихъ въ свои притоны. Такимъ образомъ напали онѣ вечеромъ между городскими воротами и петербургскимъ форштадтомъ, на одного изъ молодыхъ уланскихъ офицеровъ. Эта неожиданная и нежеланная атака была столь стремительна и нахальна, что молодой человекъ вынужденъ былъ наконецъ даже обнажить свою саблю, благодаря которой только и удалось ему кое-какъ проложить себѣ дорогу къ своей квартирѣ. На другой день, когда полкъ, выступая далѣе, переправлялся черезъ Двину, Цесаревичъ узналъ объ этомъ происшествіи. Посмѣявшись и пошутивъ надъ офицеромъ, онъ тутъ же подарилъ ему новую саблю, изъ своихъ собственныхъ, а старую велѣлъ немедленно бросить въ рѣку, потому что, какъ выразился онъ, оружіе никогда не должно быть обнажаемо противъ женщины, а эта сабля кромѣ того осквернена еще и тѣмъ, что вынута изъ ноженъ противъ вакханокъ.

Та же самая дневка въ Ригѣ ознаменовалась однимъ прекраснымъ примѣромъ христіански-братской помощи, которую оказали уланскіе офицеры одному изъ своихъ товарищей, и примѣръ этотъ, всегда и вездѣ достойный признательности и подражанія, ни въ какомъ случаѣ не долженъ остаться въ забвеніи на страницахъ полковой лѣтописи.

Цесаревичъ, пользуясь всякимъ удобнымъ предлогомъ, гдѣ и когда только могъ, спѣшилъ оказывать своимъ уланамъ чувства особенной любви и благоволенія. Такъ, при выступленіи въ походъ, приказалъ онъ выдавать офицерамъ изъ собственныхъ суммъ порціонныя, т. е. столовыя деньги. Офицеры до времени не брали своихъ столовыхъ и дѣлали это не изъ гордости, а просто потому, что на первыхъ порахъ у каждаго изъ нихъ водились про запасъ кое-какія лишнія деньги, которыхъ въ походѣ покамѣстъ некуда было тратить. По приходѣ въ Ригу, накопилось этихъ порціонныхъ денегъ до семи тысячъ рублей ассигнаціями, и полковой командиръ, Антонъ Степановичъ Чаликовъ, намѣревался было раздать ихъ въ офицерскія эскадронныя артели, или, если кому угодно, на руки. До Риги шелъ съ полкомъ майоръ Притвицъ, жестоко израненный въ голову, при Аустерлицѣ. Онъ непрерывно страдалъ отъ послѣдствій своихъ тяжелыхъ ранъ и потому состояніе здоровья его рѣдко давало ему возможность находиться въ обществѣ своихъ товарищей. По этой причинѣ офицеры даже мало и знали его. По прибытіи же въ Ригу, страданія несчастнаго Притвица дошли до такой степени, что онъ началъ мѣшаться въ умѣ. Волей-неволей приходилось оставить его на мѣстѣ. А между тѣмъ это былъ отецъ семейства и человѣкъ небогатый. Офицеры, съ рѣдкимъ единодушіемъ, сговорились помочь товарищу и отдали ему всѣ семь тысячъ порціонныхъ денегъ. Его Высочество пришелъ въ восхищеніе, узнавъ объ этомъ братскомъ, честномъ поступкѣ своихъ офицеровъ и непременно хотѣлъ знать, кто первый подаль такую прекрасную мысль.— Никто не сознавался. Это еще болѣе тронуло Цесаревича.

—Господа! сказалъ онъ уланамъ:—Я люблю, когда вы откровенно признаётесь мнѣ въ вашихъ шалостяхъ, но въ этомъ случаѣ охотно прощаю вамъ ваше *запирательство*. Всѣхъ васъ прижимаю къ сердцу, въ лицѣ вашего полковаго командира!

И онъ со слезами на глазахъ прижалъ къ груди своей и разцѣловалъ Чаликова.

— Каковы! Каковы молодцы! примолвилъ при семъ Цесаревичъ. Эти слова: *каковъ* и *каковы* имѣлъ онъ привычку повторить и въ хорѣшемъ, и въ дурномъ смыслѣ, когда хвалилъ и когда бранилъ кого-либо.

— Фонтеры-понтеры! отвѣчалъ въ восторгѣ добрый Чаликовъ.

Черезъ Двину уланы переправились справа по одному, такъ какъ рыхлый ледъ на рѣкѣ едва держался, и на поверхности во многихъ мѣстахъ стояла вода и образовались полыньи. Испробовавъ крѣпость льда, сначала перешли трубачи, а за ними поочередно всѣ десять эскадроновъ, и пока полкъ переходилъ такимъ образомъ, трубачи играли на той сторонѣ *переправу*. Городской берегъ былъ усѣянъ народомъ—вся Рига высыпала на проводы. Городская пѣшая и конная гвардія и сословіе шварцгейнтеровъ (черноголовыхъ), въ мундирахъ и верхами, провожали уланъ черезъ городъ, шествуя предъ полкомъ со всѣмъ цереміаломъ. По всѣмъ улицамъ, чрезъ которыя съ музыкой проходилъ полкъ цереміальнымъ маршемъ, окна въ домахъ были открыты и въ нихъ красовались дамы. Уланы на сей разъ были въ парадной формѣ, съ султанами. Да и вообще уланскій костюмъ и эти пики со значками являли собою въ тѣ дни еще рѣдкое, невиданное зрѣлище. Изъ многихъ оконъ красивыя женщины бросали имъ цвѣты, которые офицеры ловили налету и салютовали саблями за подарокъ. Полкъ молодецки прошелъ черезъ Ригу и, какъ ни тѣсны тамъ улицы, но офицеры заставляли своихъ коней дѣлать курбеты и идти въ красивыхъ лансадахъ.

Далѣе маршируетъ полкъ направлялся на Митаву, гдѣ дворянство задало уланамъ великолѣпный балъ, на Шавли и наконецъ на Юрбургъ,—порубежный пунктъ Россійской имперіи, куда гвардія вступила 20-го марта. Черезъ недѣлю, 27-го числа, въ это мѣстечко прибылъ изъ Петербурга Императоръ Алек-

сандръ и дѣлалъ смотръ всеі гвардіи, представивъ свое отборное войско Королю Прусскому и его супругѣ.

Въ теченіи недѣли, проведенной въ окрестностяхъ Юрбурга, полки успѣли отдохнуть отъ тяжкаго и снѣжнаго зимняго похода и изготавиться къ новымъ трудамъ боевой жизни. Людямъ розданы были боевые патроны, приказано отпустить сабли, наострить пики и осмотрѣть огнестрѣльное оружіе. На другой день послѣ смотра гвардія перешла границу и направилась на соединеніе съ войсками Бенningсена, занимавшаго укрѣпленную позицію у Гейльсберга. 10-го апрѣля уланскій полкъ, въ ожиданіи военныя дѣйствіи, расположился на кантопирь-квартирахъ въ мѣстечкѣ Гроссъ-Швапфельдтъ и его окрестностяхъ.

Здѣсь, при штабъ-квартирѣ своего полка, Цесаревичъ устроилъ бивуакъ, гдѣ помѣстилъ между уланами двадцать-четыре человѣка французскихъ дезертировъ, присланныхъ къ нему атаманомъ Платовымъ. Его Высочество раздѣлилъ этихъ француззовъ на два капральства, далъ имъ ружья и приказалъ исполнять службу, какъ во французскомъ лагерѣ, съ тою цѣлію, чтобы познакомиться съ порядкомъ французской службы. Нѣсколько времени спустя, эти дезертиры отправлены были въ Стрѣльну, и по возвращеніи Великаго Князя изъ похода, стояли бивуакомъ въ стрѣльнинскомъ саду. Многіе изъ жителей Петербурга, и особенно дамы, пріѣзжали смотрѣть Наполеоновскихъ солдатъ, одѣтыхъ и вооруженныхъ по французской формѣ.

Кромѣ этихъ пѣхотинцевъ, на уланскомъ бивуакѣ при Гроссъ-Швапфельдтѣ находилось еще и нѣсколько плѣнныхъ кавалеристовъ, которые также должны были иногда ѣздить верхомъ предъ Его Высочествомъ и продѣлывать все эволюціи одиночной ѣзды по системѣ, принятой тогда во французской кавалеріи. Этихъ плѣнныхъ и дезертировъ содержали какъ почетныхъ гостей, и солдатамъ настрого запрещено было обижать ихъ ¹⁾.

¹⁾ О. Булгаринъ т. III, стр. 141.

Наконецъ, послѣ продолжительнаго бездѣйствія обѣихъ враждующихъ армій, боевые выстрѣлы снова раздались во второй половинѣ мая: 24-го числа Беннигсенъ атаковалъ маршала Шей у Гутштадта и на другой день отѣснилъ его за рѣку Пасаргу. Уланскій полкъ хотя и присутствовалъ на мѣстѣ боя, въ резервѣ, и даже одинъ баталіонъ его посланъ былъ на помощь войскамъ генерала Дохтурова, но активнаго участія въ дѣлѣ подъ Гутштадтомъ все-таки не довелось принять уланамъ. Точно такъ же и въ кровопролитномъ Гейльбергерскомъ сраженіи (29 мая) роль уланъ ограничилась присутвіемъ на мѣстѣ боя, въ составѣ резерва, вмѣстѣ съ гвардейскою кавалеріей. Въ этотъ день непріятельское ядро вырвало изъ рядовъ полка одну только жертву,—рядоваго Котенку. Это случилось около трехъ часовъ дня, когда къ уланамъ пріѣхалъ Цесаревичъ, за которымъ слѣдовали двѣ подводы съ водкою и сухарями, нарочно добытыми Его Высочествомъ для своихъ уланъ. Едва лишь велѣлъ онъ полку сѣсться и раздать людямъ по чаркѣ, и едва солдаты слѣзли съ коней, какъ вдругъ какое-то залѣтное непріятельское ядро ударило Котенку въ лопатку и положило его на мѣстѣ ¹⁾).

Но если при Гутштадтѣ и при Гейльбергерѣ уланскій полкъ долженъ былъ ограничиться пассивною ролью, то въ схваткѣ подъ Фридландомъ, накануне знаменитой Фридландской битвы, на долю лейбъ-эскадрона вышалъ счастливый жребій къ отличію.

Во время слѣдованія нашей арміи отъ Шиншенбейля къ Фридланду, ея колоннамъ предшествовалъ гвардейскій резервъ, подъ начальствомъ Цесаревича, и часть резервной кавалеріи князя Голицына ²⁾). Беннигсенъ, опасаясь за наши переправы черезъ рѣку Алле у Фридланда, направилъ туда, 1-го іюня, для рекогносцировки два полка: уланскій Цесаревича и Орденскій кирасирскій съ четырьмя конными орудіями, поручивъ начальство

¹⁾ Ibid. стр. 189.

²⁾ Дмитрія Владиміровича.

надъ этимъ отрядомъ князю Голицыну. Ему приказано было перейти на лѣвый берегъ Алле (армія наша шла по правому берегу), остановиться въ городѣ, для охраненія моста, и выставить за городомъ нищеты. Стараясь предупредить непріятеля на пунктѣ весьма важномъ, Голицынъ всю ночь на-пролетъ шелъ безъ отдыха, и съ восходомъ солнца былъ уже въ виду Фридланда. Отрядъ никакъ не рассчитывалъ встрѣтить здѣсь французовъ и потому шелъ довольно безопасно, а уланскіе офицеры заранѣе уже радовались, что отдохнуть въ городѣ хоть одинъ сутки и запасутся кое-чѣмъ изъ съѣстнаго. Но не доходя версты около трехъ до мѣста, отрядъ увидѣлъ бѣгущихъ къ нему на встрѣчу безоружныхъ солдатъ, человѣкъ около десяти, которые махая руками, кричали: «французы! французы въ городѣ!» Это были наши фурлейты и маркитанты изъ обозовъ, оставленныхъ во Фридландѣ еще въ то время, когда городъ этотъ находился въ тылу нашей арміи, далеко отъ театра военныхъ дѣйствій. Князь Голицынъ отъ этихъ людей только и могъ узнать, что въ эту-де ночь французская конница заняла городъ и забрала всѣ наши обозы, а сами они успѣли кое-какъ тайкомъ выбраться къ рѣкѣ и спастись на лодкахъ, пѣхоты же непріятельской въ городѣ не видали. Голицынъ рѣшилъ немедленно атаковать Фридландъ и послалъ уланскій полкъ выгнать непріятеля изъ города. Эскадронные командиры обступили Чаликова и наперерывъ просили его каждый о позволеніи первому ворваться въ городъ. Антонъ Степановичъ, не зная какъ тутъ угодить всѣмъ и каждому, рѣшилъ кинуть жребій. Кинули, и счастливый жребій палъ на эскадронъ Его Высочества, которымъ командовалъ полковникъ Володимеровъ.

Лейбъ - эскадронъ тотчасъ же двинулся впередъ къ мосту, а остальные, выстроясь въ двѣ линіи по-эскадронно, пошли было за нимъ на-рысяхъ, какъ вдругъ—навстрѣчу имъ залпъ! Это привѣтствіе приготовили уланамъ саксонскіе драгуны, которые, снѣшившись, засѣли въ домахъ и за бревнами по ту

сторону рѣки. Уланы однако, не взирая на эту не совѣмъ-то пріятную неожиданность, спокойно приблизились къ берегу, но тутъ—новый сюрпризъ, еще болѣе непріятный: мостъ былъ разобранъ. Произошла невольная остановка.

Корнетъ Старжинскій, командовавшій первымъ взводомъ лейбъ-эскадрона, сметливымъ глазомъ окинулъ всю обстановку данной минуты и вмгъ замѣтилъ, что мостъ разобранъ только по серединѣ, очевидно, нѣскоро, потому что доски еще лежали въ кучѣ, на краю, по ту сторону моста. Тѣмъ не менѣе, по ширинѣ разборки, переправа для кавалеристовъ была не возможна. Что тутъ дѣлать!...

Не долго думая, корнетъ Старжинскій соскакиваетъ съ коня, вызываетъ въ охотники нѣсколькихъ удалцовъ и, —буквально, —подъ градомъ непріятельскихъ пуль, бросается впереди лихихъ охотниковъ на мостъ; балансируя руками, перебирается по бревну на ту сторону и начинаетъ укладывать доски. Нѣсколько десятковъ драгунскихъ ружей мѣтили въ храброго юношу, но къ счастью, какимъ-то чудомъ ни одна пуля не попала! ¹⁾

Черезъ четверть часа мостъ былъ починенъ и лейбъ-эскадронъ стремглавъ бросился въ городъ. За нимъ послѣдовали остальные эскадроны уланскаго полка. Тѣ изъ спѣшенныхъ драгунъ, которые не успѣли спастись черезъ плетни и огороды, были переколоты людьми лейбъ-эскадрона. За тѣмъ уланы по-

¹⁾ Въ «Воспоминаніяхъ» Ф. Булгарина мы находимъ о корнетѣ Старжинскомъ слѣдующія строки: «Старжинскій былъ однимъ изъ лучшихъ офицеровъ нашего полка. Красавцу, съ отличнымъ воспитаніемъ и благородному во всѣхъ своихъ поступкахъ, ему не доставало только военной славы—и онъ приобрѣлъ ее подвигомъ, котораго не пропустилъ бы безъ вниманія ни Титъ Ливій, ни Тацитъ. Старжинскій обрекалъ себя на явную смерть, и если онъ остался живъ и невредимъ, то это истинное чудо. Съ какою радостью мы прижали къ сердцу добраго нашего товарища, когда увидѣли его снова на лошади! Онъ даже удивлялся нашимъ поздравленіямъ, почитая подвигъ свой ничтожнымъ, и простодушо отвѣчалъ намъ: «Кому нибудь да надобно же было первому пойти!»

скакали по главной улицѣ на городскую площадь и здѣсь были встрѣчены колонною саксонскихъ драгунъ, уже на коняхъ, въ числѣ нѣсколькихъ эскадроновъ. Это были рослые, видные люди, съ заплетенными косицами, въ красныхъ курткахъ съ зелеными отворотами, на крѣпкихъ, кружныхъ и хорошихъ лошадяхъ. Они храбро выдержали первый натискъ лейбъ-эскадрона, дали залпъ и пошли въ атаку, но уланы лихо и глубоко врѣзались съ налёту въ ихъ ряды и смяли фронтъ. Драгуны наконецъ дрогнули, дали тылъ, поскакали,—наши за ними,—и вскорѣ все это перемѣшалось въ одну толпу и мчалось вмѣстѣ черезъ трупы товарищей и коней, по узкимъ улицамъ, нанося другъ другу удары. Незамѣтно и тѣ, и другіе очутились за городомъ. Здѣсь уланы вдругъ увидѣли, что изъ-подъ лѣбу крупною рысью приближается къ нимъ на-встрѣчу, съ явнымъ намѣреніемъ атаковать во флангъ, цѣлый полкъ французскихъ гусаръ, въ зеленыхъ долманахъ.

На нашей сторонѣ тотчасъ же затрубили сборъ. Уланы остановились, чтобы выстроиться, и это дало драгунамъ возможность проскакать въ интервалы между гусарскими эскадронами. Зеленые гусары весьма удобно могли бы воспользоваться тѣмъ мгновеніемъ, когда люди, разсѣявшіеся отдѣльными группами во время преслѣдованія, собирались къ своимъ частямъ,—и дѣйствительно, гусары уже совсѣмъ было пошли на уланъ въ атаку, но къ счастью послѣднихъ, въ этотъ самый мигъ грянуло вдругъ изъ-за рѣки нѣсколько выстрѣловъ. Три—четыре ядра, пущенные изъ нашихъ легкихъ орудій, очень удачно ударили въ непріятельскіе эскадроны и на нѣкоторое время замедлили ихъ атаку. Эта остановка уже окончательно дала уланамъ возможность собраться и выстроить боевой порядокъ.

Погода была прекрасная, поле обширное и ровное, а уланамъ предстояло еще впервые въ теченіи этой войны сразиться съ непріателемъ лицомъ къ лицу, въ дѣйствительной кавалерійской схваткѣ; поэтому они, по свидѣтельству участника, весело и

радостно кипулись въ атаку ¹⁾). Гусары были опрокинуты. Пророскававъ съ версту, они остановились и построились за своею второю линією, которую выставилъ успѣвшій оправиться полкъ саксонскихъ драгунъ. Уланы однако не остановились и однимъ натискомъ смяли саксонцевъ. Нѣсколько разъ, на протяженіи семи верстъ, останавливался непріятель подобнымъ образомъ, для встрѣчи нашихъ атакъ, и каждый разъ уланы заставляли его отступать, пока не загнали въ лѣсъ. Управились они съ французами уже довольно поздно. Начинало смеркаться, лошади были измучены, дальнѣйшее же преслѣдованіе по незнакому лѣсу, при наступающихъ сумеркахъ, представлялось рискованнымъ: предполагалось, что къ вечеру могла подойти французская пѣхота и устроить въ лѣсу удачную засаду. Рѣшено было, что на сей день довольно. Поэтому эскадронъ маіора Лорера оставленъ былъ на аванпостахъ и растянулъ цѣпь своихъ вѣдетовъ подъ самымъ лѣсомъ, а остальные эскадроны отошли назадъ версты на три и стали бивуакомъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ давеча была самая жаркая схватка съ зелеными гусарами. Четыре офицера и 56 рядовыхъ забрали мы въ плѣнъ, да около 50-ти человекъ порубили и перекололи во время схватокъ. Съ нашей же стороны выбыло изъ строя убитыми и ранеными 32 человекъ нижнихъ чиновъ.

Такъ окончилось это лихое дѣло.

А не остановись мы, со своими аванпостами, подъ лѣсомъ, но пройди его и займи вѣдетами опушку по ту сторону — какъ знать! — быть можетъ, на другой день генеральное сраженіе подъ Фридландомъ имѣло бы инныя послѣдствія. . . . Но кто могъ предполагать, что не далѣе какъ завтра произойдетъ здѣсь кровопролитная битва, которая существенно повліяетъ на исходъ всей войны! . . .

Во всякомъ случаѣ, съ нашей стороны была сдѣлана ошибка:

¹⁾ О. Булгаринъ, т. III, стр. 207.

какую пользу могли принести аванпосты, выставленные къ сторонѣ непріятеля, когда между нимъ и ведетами весь кругозоръ закрывался лѣсомъ.

На другой день, въ четыре часа утра, наши войска стояли уже въ боевомъ порядкѣ на обширной равнинѣ впереди Фридланда. Въ воспоминаніяхъ участниковъ этого боя въ особенности запечатлѣлась картина утра 2-го іюня, въ часъ предшествовавшей началу дѣла. «Восходящее солнце, говоритъ одинъ изъ нихъ ¹⁾, играло на блестящемъ оружіи нашихъ колоннъ. Бѣлыя перевязи на зеленыхъ мундирахъ блестѣли, какъ весенній цвѣтъ на деревьяхъ. Пушки свѣтились какъ жаровни. Однимъ взглядомъ можно было обозрѣть огромное пространство между городомъ и лѣсомъ. Уланскіе флюгера пестрѣли, какъ маковъ цвѣтъ, на правомъ флангѣ, гдѣ была сосредоточена почти вся наша кавалерія» ²⁾.

Впереди фронта уланъ, нѣсколько ближе къ центру, стояла деревушка Гейнрихсдорфъ, а за нею тотъ самыи лѣсъ, куда наканунѣ они загнали зеленыхъ гусаръ и саксонцевъ. Одинъ эскадронъ уланъ ³⁾ прикрывалъ два легкія орудія, стрѣлявшіи въ опушку, по цѣпи французскихъ стрѣлковъ, какъ вдругъ, въ

¹⁾ Ibid.

²⁾ Официальная реляція Фридландскаго дѣла, составленная вообще очень сбивчиво, говоритъ, что Лейбъ-Гвардіи Конный и Уланскій Его Высочества полки находились на лѣвомъ флангѣ нашей позиціи у князя Багратіона, и первые открыли огонь противъ непріятельской пѣхоты, занимавшей противоположащій лѣсъ. Нашъ историкъ М. П. Богдановичъ по поводу этой реляціи, между прочимъ, говоритъ, что «въ донесеніи Беннигсена, дивизіи, стоявшія на различныхъ пунктахъ позиціи, показаны весьма сбивчиво, и потомъ, при изложеніи дѣйствій князя Багратіона на лѣвомъ крылѣ, упоминаются полки, состоявшіе въ дивизіяхъ, показанныхъ на правомъ крылѣ». (Ист. Царств. Александра I, т. II, приложенія, стр. 41, примѣчаніе 30). Опираясь на авторитетъ нашего почтеннаго историка и имѣя въ виду свидѣтельство участника въ дѣлѣ (Ф. Булгарина), кажется, можно съ увѣренностію сказать, что показаніе реляціи относительно уланскаго полка положительно не вѣрно. Полкъ не былъ на лѣвомъ флангѣ.

³⁾ Командирскій, находившійся подъ начальствомъ ротмистра Щеглова.

началъ десятаго часа, неожиданно показалась изъ лѣсу непріятельская кавалерія. Густое облако пыли, сопровождавшее ея движеніе, не позволяло опредѣлить глубину колонны; видно было только, что фронтъ ея не великъ. Нѣсколько выстрѣловъ изъ двухъ нашихъ орудій ни мало не остановили ея движенія. Тогда приказано было двумъ эскадронамъ уланъ ¹⁾ вмѣстѣ съ эскадрономъ лейбъ-казаковъ ударить на эту колонну.

Вызванные части двинулись на-рысяхъ повзводно, прошли черезъ деревню, повернули налѣво и выстроились по эскадронно уступами. Командирскій эскадронъ шелъ впереди. Приблизясь къ непріятелю саженой на сто, ротмистръ Щегловъ, далъ команду: «пикн на перевѣсъ — маршъ-маршъ!» и, крикнувъ «ура!» понесся впередъ. Перенявъ этотъ крикъ, дружно бросился за нимъ командирскій эскадронъ, но подскакавъ на нѣсколько шаговъ къ французской колоннѣ, вдругъ остановился въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ. Непритель оказался сильнѣе, по крайней мѣрѣ, впитеро и стоялъ неподвижно, какъ каменная стѣна. Это были знаменитые драгуны Латуръ-Мобура. Заднія ихъ шеренга, съ разстоянія нѣсколькихъ шаговъ открыла огонь по уланамъ, а передняя отбивала палашами пикн нѣсколькихъ удалцовъ, которые во чтобы то ни стало хотѣли врѣзаться въ непріятельскіи фронтъ. Вдругъ, въ рядахъ французовъ раздались крики: «en avant! Vive l'empereur!» (впередъ! да здравствуетъ императоръ!) и вся колонна ринулась на-рысяхъ на командирскіи эскадронъ, такъ сказать, давя его своєю массою. Уланы повернули назадъ, но не вскачь и не рысью, а шагомъ, и отступали медленно. Наши фланкеры, выѣхавъ впередъ къ непріятелю, начали отстрѣливаться изъ карабиновъ, а нѣсколько смѣльчаковъ, выскочившихъ изъ французскихъ рядовъ, чтобы рубить отступающихъ, сброшены были съ сѣделъ нашими пиками. Но вотъ, значительная часть французской кавалеріи

¹⁾ Командирскому и ротмистра Радуловича.

быстро заѣхала въ полъ-оборота направо и заградила уланамъ прямой путь ихъ отступленія. Уланы бросились было вправо, но здѣсь—непредвидѣнная бѣда: крѣпкій и высокій плетень. Эскадроны наши остановились. Лейбъ-казаки, бывшіе позади ихъ, быстро спѣшили и принялись ломать эту преграду, а межъ тѣмъ французы въ это самое время уже наперли на уланъ всею своею силою. Двумъ эскадронамъ нашимъ не возможно было двинуться ни въ какую сторону, и тутъ-то пошла ужасная свалка. Сперва драгуны принялись было разстрѣливать нашихъ изъ ружей, но чрезъ нѣсколько минутъ уланы смѣшались и сблизись съ ними въ одну толпу. Тутъ уже исчезла всякая правильность: стрѣляли куда понало, и въ своихъ, и въ чужихъ, дрались пиками, рубились саблями и палашами, какъ бѣшеные, съ остервененіемъ бросались другъ на друга... Это была страшная кавалерійская *рѣзня на мѣсть*. Но драгунамъ ловче было дѣйствовать въ тѣсотѣ палашами, чѣмъ уланамъ пиками, да и перевѣсь въ матеріальной силѣ былъ на ихъ сторонѣ. Къ счастью, лейбъ-казакамъ удалось-таки наконецъ частію разобрать, а частію повалить плетень, и толпа дерущихся уланъ, слыша призывные крики товарищей-казаковъ, начала пятиться въ тылъ, отбиваясь отъ французскихъ палашей. Пока люди наши перебегались черезъ поваленный заборъ, нѣсколько человекъ, самоотверженно обернувшись грудью къ непріятельскому фронту, дрались съ самымъ отчаяннымъ мужествомъ, удерживая напоръ драгунской массы.

Наконецъ, нашимъ удалось выбраться изъ этой адской сѣчи, и они поскакали гурьбой вдоль по улицѣ, слыша подъ прикрытіе русскаго фронта. Драгуны гнались вслѣдъ за ними, но только что успѣли выскочить изъ деревни на ровное мѣсто, какъ вдругъ были стремительно атакованы лейбъ-казаками и лейбъ-гусарами, посланными на выручку нашихъ. Французы не выдержали, дали тылъ и еще быстрее помчались назадъ, сквозь ту же деревню, преслѣдуемые съ тылу казаками и

гусарами. Въ это же время командирскій эскадронъ уланскаго полка, уси́въ уже оправиться послѣ своей рубки, вмѣстѣ съ эскадрономъ маіора Лорера, подосигъвшимъ къ нему на помощь, понеслись мимо деревни въ направленіи къ лѣсу, чтобъ отрубать французамъ ретраду, но къ сожалѣнію, движеніе это не удалось и драгуны успѣли уйти подъ зациту лѣса. Вслѣдъ за симъ деревня Гейнрихсдорфъ была занята нашею пѣхотой, которая сейчасъ же протянула цѣнь стрѣлковъ подъ лѣсомъ, а уланы возвратились на прежнее мѣсто, ко фронту своего полка, и слѣзли съ лошадей въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній.

Вскорѣ послѣ этого уланскій полкъ въ цѣломъ своемъ составѣ потребованъ былъ на крайній правый флангъ, вмѣстѣ съ тремя лейбъ-гусарскими эскадронами. Тутъ присоединился къ нимъ еще Александрійскій гусарскій полкъ, и всѣ эти части вмѣстѣ составили особый отрядъ, отданный графомъ Уваровымъ подъ начальство генералъ-маіору графу Ламберту. Ему было поручено обрекогносцировать крайній лѣвый флангъ французской арміи, который какъ будто прятался отъ насъ за лѣсомъ и селеніями, и стараться, по возможности, оттѣснить его еще далѣе. Отрядъ Ламберта двинулся впередъ, и уже обогнулъ лѣсъ, какъ вдругъ увидѣлъ въ нѣкоторомъ разстояніи сильную пыль. То были свѣжія войска, шедшія къ маршалу Мортъе на помощь. Движеніе ихъ прикрывалось кавалерією, которая стояла, спѣшившись, впереди какой-то деревни. Лишь только отрядъ Ламберта показался на опушкѣ лѣса, въ этой кавалеріи трубачи подали сигналъ—полки спѣшно сѣли на коней и грознымъ шагомъ, спокойно двинулись къ нему на встрѣчу. Это шли драгуны генерала Группи и знаменитые кирасиры, съ которыми нашимъ уланамъ приходилось теперь встрѣтиться еще впервые на своемъ вѣку. Видъ этихъ всадниковъ, на огромныхъ лошадяхъ, въ блестящихъ латахъ, съ развѣвающимися по вѣтру конскими хвостами на металлическихъ шишакахъ, производилъ-таки впечатленіе весьма внушительнаго свойства. Но не смотря на то,

*

легкоконные уланы бросились и ударили на нихъ такъ быстро и рѣшительно, что не давъ опомниться, сразу прогнали ихъ за деревню, при чемъ, въ погонѣ за ними, многихъ ссадили съ лошадей своими пиками. Досталось также и драгунамъ. Такимъ образомъ, отбросивъ противника за селеніе, наши на нѣкоторое время пріостановились и, видя, что французы еще въ большихъ массахъ собираются за деревней, отступили къ своимъ, за лѣсъ, на прежнее мѣсто. Получивъ донесеніе о видимомъ намѣреніи непріятеля атаковать Ламберта превосходными силами, графъ Уваровъ поспѣшилъ послать къ нему на помощь еще часть кавалеріи. Это увеличило количество нашихъ силъ до 35-ти эскадроновъ. Но все-таки, и при этомъ подкрѣпленіи, мы имѣли противъ себя 50 эскадроновъ превосходной и, большею частью, тяжелой кавалеріи. На нашей сторонѣ было преимущество легкости и увертливости, на сторонѣ же противника количество, массивность и сила, почти несокрушимая при стройномъ и сосредоточенномъ ударѣ. Мы могли, такъ сказать, только дразнить и щипать его,—онъ же могъ прорвать и раздавить насъ своею грозною, компактною массою. Тѣмъ не менѣе, наша легкая конница не уклонилась отъ чести неравнаго боя. Впереди сталъ теперь Гродненскій гусарскій полкъ ¹⁾, потомъ уланы Цесаревича въ одной линіи съ александрійцами, а далѣе лейбъ-гусары съ лейбъ-казаками. И вотъ, наконецъ, вышли противъ насъ изъ-за лѣса эти грозные 50 кирасирскихъ и драгунскихъ эскадроновъ, раздѣлясь на три колонны. Средняя ударила въ центръ, а двѣ остальные во фланги. Мы бросились къ нимъ во встрѣчную атаку. И нѣсколько часовъ сряду длилось это кавалерійское дѣло, съ переменнымъ счастьемъ: то мы ихъ прогоняли, то они насъ, а между тѣмъ, и къ нимъ и къ намъ подходили подкрѣпленія. Это было безирерывное волненіе двухъ линій, двухъ массъ: то одна нападаетъ, а другая уходитъ отъ нея,

¹⁾ Нынѣ Клястицкій гусарскій.

то эта послѣдняя, доскакавъ до своихъ резервовъ, оборачиваетъ коней и бросается на первую, нападаетъ въ свою очередь и опрокидываетъ массу противника. И во время этого безпрерывнаго волненія удары пикъ и палашей доставались на долю тѣхъ, которые оставались въ тылѣ, т. е. и мы, и насъ били въ догонку. Наши уланы и гусары отчаянно врубались въ еередину французовъ и скакали вмѣстѣ съ ними, нанося удары во все стороны. Сраженіе это, по словамъ Беннигсена ¹⁾, длилось «съ равною съ обѣихъ сторонъ жестокостью и отчаяніемъ, однакожь успѣхъ былъ еще не рѣшительнъ». Подкрѣпленія французовъ были гораздо сильнѣе, и намъ навѣрное пришлось бы уступить имъ поле, еслибы не подоспѣла на помощь, какъ разъ кстати, вся резервная кавалерія Уварова съ нѣсколькими орудіями конной артиллеріи. Тогда повели мы общую атаку всеми конными силами нашего праваго фланга, сопровождая ее сбоку горячимъ огнемъ вновь прибывшихъ орудій, и долго длившееся волненіе двухъ массъ прекратилось — какъ и обыкновенно бываетъ въ кавалерійскихъ дѣлахъ, — тѣмъ, что одна изъ нихъ была окончательно прогнана съ поля. Мы опрокинули французовъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, устлали равнину ихъ латниками и драгунами, отшвырнули всю массу этой тяжелой конницы подъ самый лѣсъ и, возвратясь на свое прежнее мѣсто, выстроились въ шахматномъ порядкѣ, въ ожиданіи конца пѣхотнаго боя. Такимъ образомъ, на правомъ флангѣ русской арміи была одержана побѣда: поле сраженія осталось за нами, и прогнанный противникъ не дерзалъ болѣе нападать на нашу конницу.

Къ несчастію, лѣвый флангъ нашей позиціи, расположенный въ неудачно выбранной мѣстности, потерпѣлъ пораженіе, не смотря на личное мужество и вдохновительное присутствіе въ самомъ жестокомъ огнѣ начальника этого фланга князя Багратиона и такихъ генераловъ, какъ Раевскій, Багговутъ и Ермо-

¹⁾ Журналъ воен. дѣйствій стр. 234.

ловъ. Багратіонъ вынужденъ былъ уступить свою позицію, занятую вслѣдъ за нимъ артиллеріей Викторъ. Эта многочисленная артиллерія открыла убійственный огонь во флангъ нашему правому крылу, гдѣ находились уланы. Былъ уже девятый часъ вечера. Выстрѣловъ нельзя было различать: гремѣлъ безпрерывный громъ и все поле сплошь застилалось густымъ дымомъ. Грозный гулъ разносился по полямъ и лѣсамъ; земля дрожала. Багратіонъ отступилъ въ городъ и зажегъ предмѣстье. Тогда только князь Горчаковъ, начальствовавшій правымъ флангомъ, замѣтилъ опасность своего положенія: онъ былъ отрѣзанъ. Здѣсь оставалось одно: штыками проложить себѣ дорогу, и князь не задумался предъ этимъ исходомъ. Направивъ свою пѣхоту въ городъ, онъ приказалъ кавалеріи прикрывать ея движеніе. Тутъ уже выступила противъ насъ вся французская конница и хотя грозно шла за нами, но атаковать не смѣла, опущая слишкомъ чувствительно послѣдствія недавно конченнаго дѣла на правомъ флангѣ. Когда мы остановились, кавалерія противника сдѣлала тоже. Между тѣмъ пѣхота Горчакова штыками проложила себѣ дорогу въ городъ и встрѣтила тамъ корпусъ Нея, Викторъ, Лана и Мортье, т. е. десятеро сильнѣйшаго непріятеля; но ни перекрестный огонь, ни штыковыя атаки съ фронта, съ фланговъ и съ тыла не принудили ее къ сдачѣ. Борясь до послѣдней капли крови, она успѣла отбиться и выдти за городъ. Здѣсь предстояла пѣхотинцамъ переправа черезъ рѣку Алле, но мостовъ уже не существовало: они были еще ранѣе сожжены, по ошибочному приказанію, переданному какимъ-то адъютантомъ инженерному офицеру, поставленному у переправы ¹⁾. Тутъ уже исчезла всякая надежда на спасеніе, и вмѣстѣ съ нею рушился порядокъ. Во всѣ стороны разослали офицеровъ отыскивать броды.

Въ это время французская кавалерія двинулась впередъ про-

¹⁾ М. Богдановичъ. Пет. царст. Алекс. I, т. II, стр. 281.

тивъ нашей, выставивъ предъ собою многочисленную конную артиллерію. Въ нашихъ посыпались брандскагели и ядра, и по всей непріятельской линіи раздались громкіе, торжествующіе крики: Victoire! en avant! Vive L'empereur!» (Побѣда! впередъ! да здравствуетъ Императоръ!) Пожаръ освѣщаль поле сраженія... Къ французской кавалеріи слѣдно подходили пѣхотныя колонны, со своею артиллеріей и, образовывая полу-кругъ, все болѣе и болѣе прижимали нашихъ къ рѣкѣ. Батарейный огонь сталъ еще чаще. Въ нашихъ рядахъ толковали, что подъ городомъ гдѣто есть бродъ, но гдѣ?—никто не зналъ положительно. Пѣхота, не желая сдаваться, бросилась въ рѣку, но многіе не попали на мелкое мѣсто и утонули; другіе бѣжали по берегу, отыскивая бродъ; иные поплыли; артиллерія наша также пошла въ бродъ, на удачу, предпочитая лучше потопить орудія и самимъ утопиться, чѣмъ сдаться въ плѣнъ и видѣть свои пушки трофеемъ въ рукахъ торжествующаго непріятеля.

Наконецъ, и уланскому полку пришла очередь—онъ пошелъ вплавъ черезъ рѣку.

«Легко сказать», говоритъ участникъ ¹⁾:—«переплыть на лошади черезъ рѣку»,—и переплыть ее, прибавимъ мы отъ себя, съ полнымъ походнымъ вьюкомъ, въ полномъ боевомъ вооруженіи, таща на крупѣ или на хвостѣ еще пѣхотнаго солдата!—«Но каково плыть»—продолжаетъ онъ:—«ночью, не зная мѣстности, и когда съ тыла жарить ядрами и брандскагелями! На берегу рѣки былъ сущій адъ! Крикъ и шумъ ужасный... Тутъ тонуть, тамъ умоляютъ о помощи, здѣсь стонутъ раненые и умирающіе... Пѣхота и конница сбились въ кучу... Нельзя пробраться къ берегу, а между тѣмъ ядра и брандскагели валяютъ въ толпы и въ рѣку... Еслибъ въ эту минуту французская кавалерія бросилась на насъ, то надѣлала бы бѣды; но она помнила, какъ мы дрались съ нею днемъ, и не

¹⁾ О. Булгаринъ, «Воспоминанія» Т. III, стр. 241.

посмѣла напасть на насъ! Только крикомъ она давала знать, что она тутъ...»

Вмѣстѣ съ уланами переправлялись и пѣхотинцы, какъ мы сказали уже, либо сѣдя на крупѣ, либо ухватясь за хвостъ; тонущіе цѣплялись за поводья, за стремяна, за ноги, топили и себя, топили и всадниковъ съ лошадьми; но многимъ и удалось спастись.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега чернѣлся лѣсъ. Тамъ, на опушкѣ и въ самомъ лѣсу горѣли костры и собирались разбредшіяся части войскъ. Тутъ раздавались звуки трубы, тамъ были въ бабаранъ, здѣсь громко звали полки по именамъ, а между тѣмъ пушечные выстрѣлы съ противнаго берега не умолкали, и ядра, взрывая землю, прыгали по берегу.

Уланы, добравшись до костровъ, расположились подъ лѣсомъ на кратковременный бивуакъ, не разсѣдывая лошадей, и отогрѣвали желудки горячею водою, смѣшанною съ водкой ¹⁾. Простоявъ здѣсь около двухъ часовъ, армія наша ночью двинулась въ походъ, и на другой день перешла черезъ рѣку Прегель, подъ городомъ Велау. Шли форсированными переходами, при чемъ арріергадъ нашъ почти ежедневно имѣлъ стычки и перестрѣлку съ непріателемъ. Каждый день главныя силы нашей арміи слышали позади себя пушечные выстрѣлы. Наконецъ послѣ горячаго арріергарднаго дѣла, мы перешли черезъ Нѣманъ, подъ Тильзитомъ, и уланскій полкъ остановился на бивуакахъ при селеніи Бенискайтень.

Въ сраженіи подъ Фриндландомъ уланы не видали своего Шефа: Цесаревичъ находился все время на нашемъ лѣвомъ флангѣ, вмѣстѣ съ гвардейскою пѣхотой и тяжелою гвардейскою кавалеріей. День 2-го іюня оставилъ по себѣ въ полку память: онъ стоилъ уланамъ ста человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Но за то, кромѣ офицерскихъ наградъ, каждый эскад-

¹⁾ «Ibid стр. 244».

ронъ получилъ по пятнадцати знаковъ отличія военнаго ордена. Самъ Наполеонъ и всѣ французскіе воины, бывшіе подъ Фридландомъ, сознались, что русскіе дрались превосходно и что въ плѣнъ взяты одни лишь раненые. Не только ни одинъ полкъ, но ни одинъ русскій взводъ не положилъ оружія! Духъ въ войскѣ былъ превосходный. Не говоря уже объ офицерахъ, но и солдаты нисколько не пріуныли послѣ фридландской битвы;—напротивъ, всѣ горѣли желаніемъ сразиться снова и какъ можно скорѣе.

Но этому пламенному желанію не суждено было сбыться такъ скоро. Фридландскимъ боемъ закончился въ эту войну рядъ кровопролитныхъ битвъ съ французами. 10-го (22) іюня заключено въ Тильзитѣ перемиріе и 27-го (9 іюля) ратификованъ мирный трактатъ. Впрочемъ, армія наша еще ранѣе этого срока стала возвращаться въ предѣлы отечества. Уланскій полкъ 13-го іюня выступилъ въ Шавли, для откорма лошадей и исправленія аммуниціи послѣ кампаніи, а 29-го іюня пошелъ въ Петербургъ, куда прибылъ 9-го августа.

